

Наиль
Ишмухаметов

ПОЭЗИЯ

125

* * *

Город кутался в дождь,
Проплывали флотилии сумок...
Тело куталось в дрожь,
Мерно капал за шиворот сумрак...

Ты пронзила – Уйди! –
Самым острым кинжалом на свете.
Альвеолы в груди,
Словно пену, раздёргивал ветер...

Расставания желчь
Растеклась никотином по лужам...
Нет, не стоило жечь
Эти угли!
...Кому это нужно?!

Это пламя – во льду
Разгоревшись – любовью не стало...
Я же знал...что найду
Только боль...только холодность стали!

...И опять я бреду
Под дождём в миллионной пустыне...
Ты пришла на беду...
Ты уйдёшь...и мне жизнь опостылит...

В бересклетовой клетке, в тисках раскалённого лета
Зачарованный росчерком крика сорвавшихся звёзд
Саксофон гладиолуса, глядя на лунную ленту,
Сочиняет печальный ноктюрн...и за тысячу вёрст
Тихим голосом сводит с ума одинокую иву,
Чьи подошвы изранены твердью сосновой смолы,
К ней белёсые дюны-шарпеи вальяжно-учтивы,
Ей свинцовое небо и солнце седое – малы,
Безнадёжно малы для глассандо на клавишах ветра...
И на ртутное море роняет плакучий листок
Безутешные слёзы...свечой истончается вера
Без тебя, одинокий желанный поющий цветок...

На субботнике

Из тюбика свитера выдавив
Набитую рифмами голову,
Спешу за пикантными видами,
Терзаемый творческим голодом.

Дворы с тополиными чипсами
Огромными жёлтыми хрусткими...
И клёны с прищепками-клипсами,
Канадскими – хрупкими узкими,
Щекастыми грузными – русскими.

Чернеется плоть абиссинская
В прорехах, кудрявые мумии
Роняют к ногам обессиленно
Листочки, которые умерли.

Сгореть им в субботней кремации
Под спичи начальства речистого,
И дымом тугим подниматься им
Над нашими взмокшими спинами
До неба хрустально-пречистого,
До солнца, осенними сплинами
В разрывы озона грозящего,
Зимою разящего холодом
Безмолвие города голого,
Втянув в горловину сквозящую
Озябшую рыжую голову.

В разгаре субботничек, множатся
Барханы с божественным золотом.
Корёжится жёлтая кожа,
Спекаясь в бесплодные зольники.

Родина – это не там,
Где и без нас хорошо,
Где по заморским кустам
Тёпленький дождик прошёл,
Где на роскошных цветах
Жирной пыльцы порошок...

Родина – здесь, за окном –
Кислой смородины куст,
Ветки сиреневой хруст,
Нивы ржаной полотно
И незатейливый сон
Под звёздами тихих ночей,
Где воду на жизни моей колесо
Льёт бескорыстный ручей...

мы живём на запястьях не чуя оков
под собою земли
над собою небес
присягаем на верность стране дураков
целину поднимаем до поля чудес

мы тетешкаем пешек –
гуль-гули
торк-торк
обращаем в ферзи –
голосуй
выбирай
всё равно приведут все дороженьки в морг
здесь и Рим
здесь и Крым
здесь и Сочи
и Рай

пусть натужно живём
кто-то должен тужить
кто-то должен тут жить
хлеб тяжёлый жевать
по ночам сотрясать вековую кровать
.....
свет включённый не нами не нам и тушить

Наиль Ишмухаметов
(1964) родился
в Магнитогорске.
Закончил
Магнитогорский горно-
металлургический
институт.
В Казани с 1994 года.
Публиковался в
коллективных
сборниках и местных
периодических
изданиях. Лауреат
конкурса поэтического
перевода «Казанский
форум-2004»

Скругляя углы

1

Квадрат. Окно...опять черно –
По новой ночь окна панно
Малюет без полутонов.
Квадратно-угольный бассейн
Расшит стеклярусом слюды.
Квадратно-снежные сады
Плывут неспешно вдоль шоссе.
Плывёт квадратное жильё,
Мерцая чешуёй окон.
Несут квадратное бельё
На равнобедренный балкон.
Квадрат стены... Ковёр... Багет...
В окне иконы – грустный лик,
Дыханью сквозняка в ответ
Лампадки древней тусклый свет
Скругляет тёмные углы...

2

Укрыты эллипсы озёр
Хрустальной плащаницей льда,
На ней – морщинистый узор,
Под ней – усопшая вода.
Земли геоид голубой
Со спелым яблоком Луны
Кольцом орбиты на любовь
Обречены, обручены.
Вселенной звёздное яйцо
Бесплодно тщусь вообразить...
.....
...А за окном парит, скользит,
Роится снежная пыльца...
...Пуховый плат костлявых зим
углы
скругляет...

всей-то жизни – пять влюблённых вёсен
всей-то выси – метр над головой
всей-то песни – плеск усталых вёсел
под уключин голос горловой

всей землицы – пядь под белый камень
вся скрижаль – цифирь-тире-цифирь
всей-то цели – тихо-тихо кануть
виршами замусорив эфир

Шаркает в стоптанных тапках по кругу, по кругу,
по нудному кругу старушка-судьба, семеня.
– Дай руку и вырви из круга! – мне крикнуть бы другу...
Друзей и врагов я давно на семью променял,
оставил в той жизни, в которой гривастой гаметой,
гаметой и только, с набором мужских хромосом,
дотла прожигал безымянных – и эту...и эту,
а пепел сердец улетал в небеса, невесом.
Те годы ушли, улетели, истаяли в дымке,
и нечем из памяти окислы грусти стереть...
Ответь, если слышишь меня, о, немтырь-невидимка,
зачем не прибрал в одночасье, оставил стареть?
Зачем я не сделал, теряя земную опору,
по воздуху следом за ласточкой маленький шаг?
Молчишь...как обычно?..
А я собираюсь на гору...
Да, глупо...и всё же...
Вперёд, мой пузатый ишак!
Неси дурака на снега, ледники и лавины,
что держит за пазухой мизантропичный Парнас!
Семь раз не сдыхать, поспешим-насмешим, половины
дороги к подножью не пройдено, ослик, у нас...

и можно рыдать взахлёб и звать к богам –
что тяжек насущный хлеб, что не стал богат,
что чаша пустая – дом, холстяной очаг,
что горб ты нажил трудом да тоску в очах,
что кто-то живёт в Сочах, а тебе – Казань,
в которой зазря зачах, не успев сказать
о главном, нетленном бронзовом золотом,
оставив на утро мудрое, на потом...

слезой не излечишь смертельный диагноз – жизнь,
дурашка, слезай-ка с печи, раззудись и держи
свой неба кусочек, татарский ты мой атлант,
да выдержат плечи, да не оскудеет талант...

